

УДК 008(100)

ПРАВОВОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК БИНАРНЫЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Волков Валерий Вячеславович

д-р филол. наук

Воднева Арина Анатольевна

магистрант

Тверской государственной университет, Тверь

Аннотация. В статье обосновывается, что языковое сознание русских воспринимает этические феномены как доминантные по отношению к феноменам правовым.

Ключевые слова: лингвокультурология; правовое сознание; этическое сознание.

LEGAL AND ETHICAL CONSCIOUSNESS AS A BINARY OBJECT OF LINGVOCULTUROLOGY

Volkov Valery Vyacheslavovich

doctor of philology

Vodneva Arina Anatoljevna

undergraduate

Tver state university, Tver

Abstract. Authors prove that the Russian language consciousness perceives ethical phenomena as prepotent to legal phenomena.

Key words: lingvoculturology; legal consciousness; ethical consciousness.

Содержание некоторых лингвокультурных концептов проясняется лишь в условиях их рассмотрения по принципу «одно в зеркале другого» – в силу того, что они объективно составляют некое бинарное единство. Подобно тому как человек – это, условно говоря, мужчина плюс женщина, своим своеобразием дополняющие друг друга до целого, так и Право и Этика составляют дву-, точнее «четвероединство» – тетраду: этическое – та скрепа, на которой держится Общество, а правовое – основа Государства.

Оставляя в данной статье концепты Общество и Государство за пределами рассмотрения, сосредоточимся на основных аспектах взаимодействия Этики и Права в их специфической лингвокультурной проекции – как этического и правового *сознания*, опредмечивающегося (вербализующегося) средствами естественного языка.

Едва ли не основной метод лингвокультурологии – актуализация внутренней формы языковых единиц и/или реконструкция лежащих в их фундаменте семантических этимонов [2]. В случае лингвокультурологического анализа взаимодействия этического и правового типов сознания в качестве первого шага необходимо размышление о внутренней форме опорного элемента этих составных терминов – существительного *сознание*.

Интуитивно очевидная нецелесообразность основывать представление о сознании в его целостности на корневом элементе *зна-* и соответственно на глаголе *знать* находит подтверждение уже в материалах академического Словообразовательного словаря, по данным которого, глаголы *знать* и *сознать* инициируют самостоятельные словообразовательные гнезда [9]. Сущ. *сознание* трактуется в этом словаре как производное от глагола *сознать*.

С морфосемантической точки зрения, *сознать* как самостоятельный неприродный глагол – результат опрощения (утраты морфемной членности словом, ранее членившимся). Разумеется, интуитивная очевид-

ность такого опрощения с формально-лингвистических позиций выглядит достаточно спорно – уже хотя бы потому, что *сознать*, а вслед за ним и *сознание* достаточно легко поддаются словообразовательной интерпретации по «критерию Винокура»: исходя из того, что основное значение приставки *со-* – ‘совместность’, следует заключить, что *сознать / сознать* – значит «*знать* совместно с кем-чем-л.»; *сознание* – «*знание* совместно с кем-чем-л.», то есть «совместнознание». Дальнейшие лингвогерменевтические и лингвокультурологические усилия, соответственно, оказываются направленными на выяснение, «кто/что» выступает в качестве субъектов «совместнознания», и упираются в задачу выявления компактного ядра всего гуманитарного «знания о сознании», что ни теоретически, ни тем более практически возможным не представляется.

Представление о *со-знании* как «совместнознании» можно использовать как лингвокультурологическое основание тезиса о неразрывной взаимосвязи правового и этического.

Разумеется, в этом положении нет ничего принципиально нового. Еще И.А. Ильин в работе «О сущности правосознания» (1919, первоначальное название – «Учение о правосознании»), характеризуя «основу здорового правосознания», писал: «В правосознании участвует не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и *признавать* в порядке *самовменения* и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы *соблюдать признанное*» [4, с. 230].

Таким образом, между *правовым сознанием* и *правовым поведением* есть некое посредствующее звено, обуславливающее и обеспечивающее их связность. Это посредствующее звено – *мораль, нравственность*, ко-

торая не только и не столько «посредствует», сколько *предшествует* сначала моральному, а затем и правовому поведению.

В работе И.А. Ильина «Общее учение о праве и государстве» (1915) читаем: «*Значение* права состоит в том, что оно есть могучее средство *воспитания людей к общественной жизни*. Правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и с их интересами. Каждый человек должен приучить себя к тому, чтобы *доброю волею* ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также *имеют право* жить и осуществлять *свои* интересы. Ограничивая свободу каждого известными пределами, право обеспечивает ему за то беспрепятственное и спокойное пользование *своими* правами, т.е. гарантирует ему свободу *внутри* этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился *порядок, основанный на свободе*» [4, с. 83].

Полностью принимая данное положение, внесём в него весьма существенное, на наш взгляд, дополнение: право выступает как «средство *воспитания людей к общественной жизни*» лишь *после* морали, после этики.

«Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс», – говорил Остап Бендер.

Комизм этой (ныне уже прецедентной) фразы не только в том, что она звучит в устах «великого комбинатора» (выражаясь юридически, мошенника), но и в том, что основывается на скрытом противопоставлении морального и юридического. Фраза «Я, конечно, не херувим» – о моральных нарушениях, «...я чту Уголовный кодекс» – о формальном отсутствии нарушений правовых, что обеспечивается правовым знанием, в современной формулировке – правовой компетентностью.

Остап Бендер аморален, но фактически неподсуден, – на этом основывается комизм и его личности, и всей сюжетики романов И. Ильфа и Е. Петрова. Он вполне «воспитан к общественной жизни» в правовом смысле этого понятия (как любой квалифицированный преступник), но являет собой классический «преступный тип» очаровательного мошенника, типичный пример «человека без принципов», вроде нынешних коррумпированных чиновников.

Правовая культура, если ее сводить к одной только правовой компетентности, без морального основания не может привести к правовому сознанию, а затем к правовому государству – вот дальнейший вывод в связи с этим хрестоматийным образом российской словесности.

В советский период отечественной истории было глубоко обоснованным выдвижение Программой КПСС в качестве важнейшей задачи «воспитания коммунистической сознательности» – «утверждение коммунистической морали», нравственные принципы которой были сформулированы в знаменитом «Моральном кодексе строителя коммунизма» [7], основывающемся на перифразированных ветхозаветных и новозаветных библейских принципах – практически общечеловеческих, связанных с основными принципами других мировых религий.

Правовые нормы, в том числе нормы Уголовного кодекса, и поныне основываются на нормах моральных, связанных прежде всего с десятью Моисеевыми заповедями, ср.: с одной стороны, библейское «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради» (Исх. 20: 13–15), с другой стороны – названия глав УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «Преступления против собственности» и т.д.

Едва ли многие граждане нашей страны (если только они не юристы) знают названия этих глав или конкретные формулировки и санкции отдельных статей, но лежащие в их основе моральные принципы общественного благоустройства, несомненно, знакомы всем с детства.

В этой связи любопытно отметить, что современные специалисты-правоведы, характеризуя понятие «правовая культура», далеко не всегда фиксируют ее связь с культурой моральной (ср., например: «Правовая культура не совпадает ни с одним видом культуры (материальной, духовной, политической и т.д.), создавая своеобразное, уникальное сочетание материальных и духовных компонентов» [8, с. 732]), хотя в истории права, особенно в рамках психологической школы права, эта связь трактуется как основополагающая, как, например, в фундаментальном труде Л.И. Петражицкого (1867–1931) «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», где, в частности, читаем: «В области тех случаев и вопросов поведения, которые предусматриваются и разрешаются в том или другом смысле государственными законами или иными позитивно-правовыми определениями, например, в области отношения к чужой жизни, собственности, в области имущественно-делового оборота, купли-продажи, найма квартиры, прислуги, извозчиков, займа и иных кредитных сделок и проч. и проч., люди фактически приписывают на каждом шагу себе или другим разные обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права вовсе не потому, что так написано в гражданском кодексе или т.п., а потому, что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть; да они обыкновенно и не знают вовсе, что на подлежащий случай жизни предписывают статьи гражданского или иного кодекса, и даже не думают о существовании этих статей и кодексов» [6, с. 87].

Названный в цитированном фрагменте ключевой внутренней, интуитивный «регулятор», связующий правовое и этическое – *совесть*; в лингвокультурологической проекции, как концепт, с заглавной буквы – *Совесть*.

По В.И. Далю, *совесть* – это «нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распо-

знавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [3, с. 256–257]. По словам Ю.Д. Апресяна, совесть – «...некое существо внутри человека. Это – строгий внутренний судья (ср. *отвечать за что-л. перед своей совестью, быть чистым перед собственной совестью*), всегда нацеленный на добро, обладающий врожденным безошибочным чувством высшей справедливости и дающий человеку предписания (ср. *голос совести, веление совести*)...» [1, с. 353]. По внутренней словообразовательной форме, *совесть* переключается с *сознанием* – как *со-весть* и *со-знание*, где *совесть* – своеобразное «совместновестие», «весть» человеку и из его собственного «внутреннего сознания добра и зла» (В.И. Даль), и извне, из мира моральных и правовых норм.

Этика основывается на совести – «изначально данном» человеку как существу общественному, совесть – главный фактор нравственного и правового поведения. Здесь зона пересечения Этики и Права как лингвокультурных концептов. Именно с нравственными проблемами, с неразвитой совестью прежде всего связаны такие деформации правосознания, как *правовой нигилизм* – «отрицание социальной ценности права; осознанное игнорирование требований закона, та часть правосознания, которая резко критически относится к требованиям необходимости уважения и соблюдения права» – и «*перерождение правосознания* как «крайняя степень искажения правосознания, включающая преступный умысел» [5, с. 474]. Это частные проявления духовного упадка, о котором с горечью писал создатель этики «благоговения перед жизнью» Альберт Швейцер в своем автобиографическом сочинении: «Два переживания омрачают мою жизнь. Первое состоит в понимании того, что мир предстает необъяснимо таинственным и полным страдания; второе – в том, что я родился в период духовного упадка человечества...» [10, с. 5].

Этическое и правовое сознание взаимодействуют и развиваются по принципу обратной связи, в восходящей спирали: правовое сознание – на основе этического, затем этическое – на основе правового и т.д. По мере развития и совершенствования правового сознания развивается этическое и наоборот.

По И.А. Ильину, между нормами права и нормами морали имеется неразрывная, «живая» связь. «Отношение между правом и моралью может слагаться правильно и неправильно. *Правильное* отношение между ними существует тогда, когда право, не выходя из своих пределов, *согласуется по существу* с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкой; а мораль, со своей стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, *придает правовым велениям* то глубокое значение и *обязательную силу*, которая присуща нормам морали» [4, с. 76-77].

Разумеется, это очень общая, двумерная схема. В действительности развитие сознания – многомерный процесс, в идеале развивающийся по принципу восходящей спирали, во взаимодействии не только правового и этического, но и научного и религиозного, витального и эстетического и иных «сознаний» как относительно самостоятельных форм духовной жизни.

Список использованных источников

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348-388.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 221 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Репринтное издание: В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1999.

4. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
5. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. 640 с.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза: новая редакция; принята XXVII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1986. 80 с.
8. Тихомиров М.Ю., Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия. М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. язык, 1985.
10. Швейцер А. «Я родился в период духовного упадка человечества» // Кризис сознания: Сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 5-11.